

Е.И.НЕСТЕРОВА

Китайское консульство во Владивостоке

Рассказывается об истории открытия первого китайского консульства на русском Дальнем Востоке, деятельности первого консула Куэй Фана и коммерческого агента Ли Тьяо¹.

The Chinese consulate in Vladivostok. E.I.NESTEROVA (Far Eastern Technical State University, Vladivostok).

The article narrates about history of foundation of the first Chinese consulate in the Russian Far East and activities of the first consul Quei Fang and the commercial agent Li Tchiao.

Экономическое развитие юга русского Дальнего Востока, усиление военно–политического значения региона, увеличение числа иностранцев в Приморской области привели к тому, что во второй половине 70–х годов XIX в. у Японии, Китая, США появилось желание иметь во Владивостоке своих официальных постоянных представителей. Первое иностранное представительство — императорское японское коммерческое агентство — было учреждено во Владивостоке в 1876 г. [2, с.3]. Однако предпринятые Китаем попытки открыть в это же время во Владивостоке консульство натолкнулись на противодействие местной русской администрации. Ее позицию достаточно ясно выразил уже сдавший пост военного губернатора Приморской области М.П.Тихменев 20 февраля 1882 г. на заседании комиссии по доставлению переселенцев в Южно–Уссурийский край морским путем. По его мнению, разрешение назначить во Владивосток китайского консула приведет к тому, что «консулу этому подчинится все местное население, которое и будет смотреть на него, как на своего естественного начальника, назначенного китайским правительством»². Китайская сторона (по имевшимся сведениям) предполагала подчинить консула не центральному правительству, а китайским приграничным властям. Таким образом, заключал Тихменев, «принадлежащий нам край прямо войдет, в административном отношении, в состав соседней китайской провинции» [4, с.78].

Сменивший М.П.Тихменева на посту военного губернатора Приморской области И.Г.Баранов ставил возможность учреждения китайского консульства в зависимость от скорейшей отмены экстерриториальности китайцев в России, иначе, счи-

---

НЕСТЕРОВА Елена Ивановна — кандидат исторических наук (Дальневосточный государственный технический университет, Владивосток).

¹ В ноте — ходатайстве о назначении на должность коммерческого агента, оформленной согласно протоколу на французском языке, фамилия передана как Li Tchiao Ao, тем не менее в русской официальной переписке мы можем увидеть и Ли Тьяо, и Ли Чжао Ao, и Ли Цзя Ao. Здесь автор использует наиболее часто встречающийся вариант написания китайских фамилий в русском делопроизводстве того времени.

² Орфография, пунктуация, а также написание названий и имен цитируемых документов сохранены.

тал он, «китайский консул превратится в правителя, контроль над которым будет вечно ускользать от нас вследствие дисциплины, присущей китайцам. Мы сами поможем учреждению государства в государстве» (РГИА ДВ. Ф. 701, оп. 1, д. 124, л. 34).

Вопрос об открытии китайских консульств на Дальнем Востоке решался вплоть до середины 90-х годов XIX в. Несмотря на то что в 1896 г. китайское правительство активизировало попытки добиться разрешения на открытие консульств во Владивостоке и Благовещенске (Арх. внешней политики Российской империи, далее — АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 1), Россия в 1897 г. дала согласие лишь на учреждение поста коммерческого агента во Владивостоке. На эту должность был назначен чиновник 5-го класса Ли Тьяо (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 16, 29). Ли Тьяо долгое время служил секретарем при посланниках Лиу–Зыйфыне, Хон Дюне, Сю Дянжене в китайской миссии в Петербурге, хорошо говорил и писал на русском языке, а также знал условия жизни в Приамурье, так как совершил путешествие по Сибири и некоторое время прожил в Приморской области. На должность коммерческого агента Ли Тьяо перевели с поста драгомана по русским делам при генерал–губернаторе Печилийской провинции (АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 243, л. 16 об.). Ходили слухи, что за свое назначение во Владивосток господин Ли заплатил изрядную сумму (АВПРИ. Ф. 150, оп. 493, д. 77, л. 21 об., 22).

Либерально настроенный Ли Тьяо симпатизировал русским, у него сложились хорошие отношения с руководителем русской миссии в Пекине Павловым, который дал ему рекомендательное письмо к военному губернатору Приморской области и предложил обращаться за советом в случае необходимости.

По прибытии в Приамурское генерал–губернаторство Ли Тьяо был представлен С.М.Духовскому, который в частной беседе попросил его изложить соображения об улучшении быта проживавших в крае китайцев. В результате выяснилось, что русская и китайская стороны по–разному оценивают задачи и законные полномочия коммерческого агента.

Ли Тьяо стал ходатайствовать о предоставлении ему права назначения китайских старшин и осуществления юрисдикции над китайцами в Приамурье, ссылаясь на инструкции, полученные от своего правительства (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 20). Он полагал возможным оставить право выбора старшин, избираемых на год, китайским купцам. При этом Ли Тьяо поставил вопрос о смене инсигний власти. В докладе китайскому МИДу он предлагал вместо отличительных знаков, выдававшихся русской властью, дать старшинам право ношения шарика чиновника от 6-го до 9-го класса. «Такое отличие показывало бы остальным китайцам, что это лицо облечено властью». По проекту господина Ли, человек, занимавший должность старшины в течение 3 лет по истечении этого срока, сохранял за собой полученный чин (АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 243, л. 24).

В записке Приамурскому генерал–губернатору С.М.Духовскому Ли Тьяо предлагал упразднить китайские общественные участки, а их функции, имущество и делопроизводство передать коммерческому агенту. Вместо десятников, которые следили за порядком в китайских районах, он предлагал ввести среди китайцев денежный сбор на усиление полиции. Кроме этого, коммерческий агент предлагал свою помощь в обнаружении существовавших во Владивостоке китайских игорных домов. Он считал целесообразным обязать всех китайцев — владельцев гостиниц и хозяев квартир — вести журналы регистрации прибывших и убывших, а информацию предоставлять коммерческому агенту. Ли Тьяо сообщал, что он имеет возможность получать сведения из Китая о нравственных качествах китайских купцов, поэтому желательно введение нового порядка выдачи русских разрешений на торговлю. Эти документы предлагалось выдавать только при наличии разрешения от китайского коммерческого агента. Выражая сомнения в эффективности русской паспортной системы (по его сведениям, русские паспорта имела лишь

1/5 всех китайцев), он предлагал значительно снизить стоимость паспортов, что привело бы к изрядному сокращению безбилетных (АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 243, л. 5–9 об.).

Фактически программа, предложенная Ли Тьяо, обеспечивала ему полномочия, превышающие консульские, не только сосредотачивая в его руках судебные функции, но и обеспечивая известный финансовый контроль за китайским населением.

В ответном письме С.М.Духовской, поблагодарив за совет и участие, проинформировал Ли Тьяо о мерах, готовившихся русской администрацией в отношении изменения системы управления китайским населением (упразднение китайских общественных управлений и подчинение китайцев русской администрации и полиции), и признал невозможным принятие мер, изложенных в записке (АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 243, л. 11–12). Позицию местной русской администрации поддерживал и Петербург. Товарищ министра иностранных дел В.Н.Ламздорф сообщал Приамурскому генерал–губернатору, что русское правительство согласно признать коммерческого агента во Владивостоке «без официального характера для того лишь, чтобы служил посредником по торговым делам между китайцами и местными властями» (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 17).

Такой результат не очень устраивал китайскую сторону. Ли Тьяо в письме к А.Павлову в русскую миссию в Пекине сообщал, что при личной встрече С.М.Духовской упомянул о том, что объем прав китайского коммерческого агента равен объему прав японского агента, который, как ему стало известно, решает мелкие споры между японцами, хотя это и делается без ведома русских властей. Ли Тьяо заверял, что он «далек от мысли, чтобы что–нибудь предпринимать помимо русских властей и в особенности без их ведома», хотя отмечал гипотетическую возможность самостоятельно ввести такой порядок для китайцев (АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 243, л. 49 об.).

Несмотря на эти заверения, китайские коммерческие агенты все–таки осуществляли судебные функции над китайскими подданными, о чем иногда становилось известно русским властям. Так, в феврале 1907 г. Куэй Фан (Куенфан), сменивший на посту коммерческого агента Ли Тьяо, изменил решение русского судьи по исковому делу между китайцами (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 67).

Кроме новаций, связанных с системой управления, Ли Тьяо ходатайствовал перед китайским МИДом об открытии во Владивостоке училища при агентстве. Он отмечал, что во Владивостоке живет много состоятельных китайцев, умеющих только писать и читать, но не знающих отечественной литературы, географии, истории. Детей они вынуждены отдавать в русские учебные заведения, в результате подрастающее поколение оставалось незнакомым со своим отечеством. Для исправления ситуации Ли Тьяо предлагал собрать по подписке деньги и организовать при агентстве школу, в которой китайским детям преподавались бы китайская литература, география, история. «Получившие таким образом всестороннее образование китайцы будут впоследствии весьма полезны не только для общественной и коммерческой деятельности, но в особенности и для правительств обеих стран» (АВПРИ. Ф. 327, оп. 579, д. 243, л. 27).

Ли Тьяо активно включился в жизнь местной китайской общины. В 1898 г. им был разработан и представлен на утверждение Приморскому военному губернатору проект устава владивостокского китайского благотворительного общества. С момента своего появления он неоднократно подавал прошения генерал–губернатору о снижении сбора за билеты (17 октября 1898 г. и др.). За время пребывания во Владивостоке с 1898 по 1902 г. им подготовлен и передан русской администрации ряд проектов, связанных с изменением положения китайцев в Приморской области. В июне 1899 г. Ли Тьяо предлагал ввести новую систему организации труда китайцев. Всех работающих китайцев предлагалось разбить на артели (кроме коммерсантов), что облегчило бы надзор за ними для полиции, так как в обязанности

избранных старост, сотских, полусотских входила слежка за своими работниками. Коммерческий агент считал необходимым уравнивать китайцев в правах с японцами, уплачивавших лишь гербовый сбор. В качестве альтернативного варианта он предлагал ввести разный тариф для представителей разных артелей. Так, прибывшие в артели чернорабочие должны уплачивать всего 80 коп. за паспорт, каменщики, плотники, кровельщики, прислуга — 2 руб., больше всего предполагалось взимать с коммерсантов — по 16 руб. (РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 32). Однако это предложение было отклонено военным губернатором Приморской области, так как «предлагаемая артель со старостами, сотскими и полусотскими китайцами, избираемыми из своей среды и утверждаемыми императорским коммерческим агентом, явится в России обособленным учреждением с особой независимой администрацией, действующей с разрешения Китайского правительства, но без контроля и подчинения русской администрации, чего, конечно, допустить невозможно» (РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 40).

В ответ на этот отказ Ли Тьяо вновь ходатайствовал о введении сбора, соответствовавшего платежеспособности разных профессиональных групп китайцев, и дал разъяснения о своем видении преимуществ контроля за артелями, а не за конкретными людьми. Он считал, что при существующем порядке полицейские власти «сталкиваются с массой малоизвестного ей иностранного пришлого элемента, притом недостаточно зарегистрированного, без знания языка этих инородцев, индивидуальность которых для непривычного глаза трудно установить». Простое усиление полицейского надзора не дало бы ожидаемых результатов. По его мнению, необходимо изменение системы контроля и регистрации китайцев. Позицию китайской стороны в этом вопросе он формулировал так: «облегчить бедное китайское население, ищущее работы в пределах русской территории, более соответствующим налогообложением, обставить китайских подданных таким режимом, результатом которого отпала бы необходимость принимать по отношению к китайским подданным исключительные меры» (РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 35).

В августе 1902 г. господин Ли обратился к Приамурскому генерал-губернатору с запиской, содержавшей предложения для улучшения жизни китайцев в Приамурье. Отмечая «трудолюбие, честность, трезвость и другие хорошие качества здешних китайцев, [...] являющихся полезным продуктивным элементом населения», он упоминал и о тех негативных сторонах китайского присутствия, с которыми ему пришлось столкнуться в крае — игорные дома, хунхузничество, проституция и другие виды преступности (РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 1–2). Для изменения ситуации он предлагал выйти с ходатайством перед правительством о предоставлении Приамурскому генерал-губернатору объема прав, равного объему министра внутренних дел в вопросе о высылке (в течение 10 дней) китайцев из генерал-губернаторства. Такая мера «была бы весьма полезна для нравственного оздоровления местного китайского населения» (РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 2 об.). С видимым сочувствием он отнесся к созданию китайского квартала во Владивостоке. Свою записку господин Ли завершал словами: «Я прослужил в России 13 лет и научился ее любить. Мирное сосуществование двух великих соседних государств, их процветание и благоденствие дороги моему сердцу» (РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 190, л. 3).

Эти усилия были замечены русской администрацией: еще в октябре 1899 г. военный губернатор Приморской области Н.М.Чичагов обратился с ходатайством к приамурскому генерал-губернатору о награждении китайского коммерческого агента Ли Тьяо, так как последний «постоянно оказывал и оказывает с особенным усердием полное со своей стороны содействие к поддержанию добрых взаимных между русскими и китайскими подданными отношений и к развитию торговых сношений России с Китаем» (АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2229, л. 2).

Приамурский генерал-губернатор поддержал ходатайство Н.М.Чичагова, и китайский коммерческий агент был представлен к ордену Святого Станислава II сте-

пени для нехристиан. Орден Станислава давался за благотворительную деятельность, учреждение значительных и полезных для страны мануфактур, неоспоримо полезные открытия в земледелии, торговле, науках, искусствах и ремеслах, а также за «сочинение и обнародование творений, признанных общепольными» [6, с.200]. Однако из-за возникшего летом 1900 г. русско-китайского конфликта награждение не состоялось. В 1903 г. Приамурский генерал-губернатор Д.И.Суботич повторил ходатайство о награждении, и в следующем году орден был вручен.

В 1906 г. Ли Тьяо в ранге чиновника 4-го класса завершил свою деятельность на посту китайского коммерческого агента во Владивостоке и вернулся в Китай, но не забывал своих соотечественников в России. В 1910 г. (июль-октябрь) он посетил Владивосток, Хабаровск, Благовещенск во главе комиссии по изучению китайской торговли и положения китайцев в Приамурье. Во время посещения Хабаровска журналист газеты «Приамурская жизнь», скрывавшийся под псевдонимом Отголосок, взял у Ли Тьяо интервью. Благодаря достаточно редкому для дальневосточной журналистики начала XX в. жанру нам известны мнение Ли Тьяо о некоторых аспектах экономического развития русского Дальнего Востока, а также его оценка состояния русско-китайских отношений.

Отметив, что Приамурье и Маньчжурия связаны общими экономическими интересами, Ли Тьяо отрицательно оценил отмену порто-франко. По его мнению, это решение больно ударило как по мелкой, так и по крупной китайской торговле в Приамурье. Тем не менее основную проблему он видел не в самом законе, а в сложностях с таможенной. «Господа таможенные чиновники сегодня за один продукт не берут пошлины, завтра же за это самое — берут, неразбериха полная, и торговцы боятся привозить товар, ибо не знают, как поступит таможня» [3, с.2]. Для нормализации ситуации Ли Тьяо, будучи во Владивостоке, поставил вопрос об издании полного справочника с таможенными тарифами.

В интервью Ли Тьяо высказал мысль, что два больных места края — это таможня и полиция. «Все кричат, — “хунхузы, хунхузы” — на самом деле будь у вас организована как следует полиция, о хунхузах и не слыхали бы. Я вынес твердое убеждение, что организованных хунхузских шаек, как например в Маньчжурии, в Приамурье нет» [3, с.2]. По мнению Ли Тьяо, был только разный сброд, мелкие воришки и прочие: «нередко в шайках принимают участие русские, а вся вина падает на китайцев».

Другая тема, которой коснулся Ли Тьяо, — вопрос об ограничении численности китайских рабочих в Приамурье. Он отметил, что введение июньского закона³ «в некотором роде способствует даже нашим целям», так как Китай заселяет Маньчжурию и Монголию — «рабочие руки нам нужнее» [там же].

Подводя итог, Ли Тьяо подчеркнул: «... взаимоотношения русских и китайцев именно за последние два года значительно улучшились. По своей натуре русский — будь то коммерсант или же чиновник, гораздо ближе к нам, китайцам, своим простодушием и отзывчивостью, ближе хотя бы того же самого японца, заеденного спесью, формализмом, а главное, ненасытной алчностью и жадностью» [там же].

В ходе визита, несмотря на наметившиеся точки соприкосновения, затрагивались и достаточно сложные, болезненные темы. Так, при посещении Амурской области Ли Тьяо, выразив желание посетить Зейский район (Николаевский станичный округ), неоднократно поднимал вопрос о его возвращении Китаю, давая понять, что посланник в Санкт-Петербурге лично доведет это требование до императора, а в случае отказа грозил обратиться в международный суд (АВПРИ. Ф. 188, оп. 761, д. 267, л. 9 об.). В ноябре 1910 г. Ли Тьяо вернулся в Харбин и представил отчет о командировке вице-королю Маньчжурии.

³ Речь идет об утвержденном 21 июня 1910 г. «Законе об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве».

После ухода Ли Тъяо с поста коммерческого агента во Владивостоке указом китайского императора от 10 июля 1906 г. на эту должность назначен Куэй Фан (Куэфан, Гуй Фань, Куенфан), дипломатический чиновник 3-го класса, даотай (даотай — при цинах чиновник, заведовавший какой-либо отраслью провинциального управления), служивший с 1896 по 1904 г. в Китайской миссии в Петербурге и, видимо, рассчитывавший на место консула в русской северной столице, но получивший вместо этого пост драгомана при Чилийском генерал-губернаторе Юань Шикае (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 29). Брат Куэй Фана был личным секретарем Юань Шикая [1, с. 25]. По свидетельству Л. Богословского, Куэй Фан во всех крупных шагах своей деятельности руководствовался указаниями и советами японского консула, видимо, следуя инструкциям Пекина (АВПРИ. Ф. 143, оп. 491, д. 2755, л. 84).

С момента назначения китайского коммерческого агента во Владивосток китайское правительство не оставляло попыток добиться разрешения открытия консульств на Дальнем Востоке. Однако этому противилась местная русская администрация, считая, что введение должности консула «усилит здесь организацию китайцев и еще более обособит и сплотит их» (АВПРИ. Ф. 150, оп. 493, д. 77, л. 20 об.).

В 1907 г. китайское правительство возобновило ходатайства об учреждении во Владивостоке китайского консульства. Русское правительство не видело серьезных препятствий для этого, но считало возможным открытие китайского консульства в России лишь в том случае, если в Китае будет открыто еще одно русское консульство — в Улясуае (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 40). На должность консула прочили Куэй Фана, что вызвало неудовольствие местной русской администрации. Генерал Н.Н. Мартос, занимавший должность помощника Приамурского генерал-губернатора, сообщил (в 1908 г.) о заносчивом, неуступчивом характере коммерческого агента и предупреждал, что, если Куэй Фан будет назначен на должность консула, то «натянутые и сейчас отношения его с местной администрацией могут обостриться и повести к нежелательным конфликтам, улаживание которых будет гораздо труднее, чем когда Куенфан был только коммерческим агентом». Эту позицию разделял и П.Ф. Унтербергер (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 66 об.).

Тем не менее указом русского императора 1 мая 1909 г. Куэй Фан был признан китайским генеральным консулом во Владивостоке (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 94)⁴. Китайское правительство задачу генерального консула определило следующим образом: «защищать и охранять всех китайских подданных, проживающих не только во Владивостоке, но и в других пунктах» (АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 809, л. 106).

Такое разрешение вопроса поставило местную администрацию в затруднительную ситуацию, так как все ее предшествовавшие действия были направлены на подчинение китайцев в Приамурье русской администрации. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе А. Грушецкий писал (1903 г.), что, прибывая в Россию, китайцы ускользают от надзора своего правительства, «привыкают постепенно к нашим порядкам и хотя бы несколько эмансипируются от китайского режима, благодаря этому уже и теперь встречаются случаи, хотя и редкие еще, когда китайцы выписывают своих жен и детей из Китая, принимают православие и русское подданство. С появлением же консулов такие случаи станут фактически невозможным. В своих консулах китайцы, не имеющие понятия о консульских правах в христианских государствах, увидят таких же своих чиновников — начальников, которые облечены в Китае неограниченной

---

⁴ Должность консула Куэй Фан занимал до августа 1911 г. 8 августа 1911 г. Куэй Фан был назначен амбаном кабдосского округа в китайской Монголии. С 1912 по 1916 г. консулом во Владивостоке был Лу Шиюань.

властью над личностью и имуществом китайских подданных. Назначение китайских консулов, несомненно, нанесет ущерб нашему престижу в глазах китайцев, ценящих свою свободу здесь и существующие между ними и русскими более или менее патриархальные отношения» (АВПРИ. Ф. 150, оп. 493, д. 77, л. 20 об.).

Помимо аспекта, который постоянно высвечивается в русской деловой переписке (мотивы политической целесообразности, необходимость подчинения китайцев действию русского права, невозможность позволить китайским чиновникам распоряжаться на территории России), был нюанс, о котором документы говорят как бы вскользь, нехотя, скорее не говорят, а проговариваются, — финансовые злоупотребления местной русской администрации. Под флагом защиты государственных интересов чиновники отстаивали существование той системы, в рамках которой были возможны поборы и взятки с китайцев. Надворный советник В.В.Перфильев, проводивший дознание о злоупотреблениях владивостокской полиции по отношению к китайскому населению не представляет из себя что-либо новое» — и писал, что основные источники получения взяток — банковки, опиекурильни, дома терпимости (РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 3, д. 15, л. 134).

Ему вторила газета «Восточное обозрение»: «Окружной суд появился во Владивостоке только несколько лет тому назад, а раньше суд и расправа принадлежали полиции. Взятничество было в полном ходу и с деньгами легко вывертывались из всякой беды, особенно, если в деле фигурировали одни китайцы, которыми никто не интересовался и судьба которых всецело зависела от произвола и взятки. Русская власть [...] в делах с китайцами была бессильна и авторитет ее малодейственен, а в частности — низшие агенты ее были продажны» [5, с.14]. Присутствие во Владивостоке коммерческого агента, а затем и консула могло привести к нежелательной огласке всех этих нелепых фактов и скандалу.

Таким образом, с появлением на Дальнем Востоке официальных представителей Китая в коммуникативном пространстве между китайским населением Дальнего Востока и русской администрацией в начале XX в. появляется еще одно звено — консульские представители, которые не только выполняют свои прямые обязанности, но пытаются присвоить часть властных полномочий, несмотря на то, что они находятся на русской территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богословский Л. Крепость–город Владивосток и китайцы // Вестн. Азии. 1913. № 1.
2. Васкевич П. Очерк быта японцев в Приамурском крае. Верхнеудинск, 1905.
3. Отголосок. Наше интервью у китайского сановника // Приамурская жизнь. 1910. № 427.
4. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 2, вып. 2. Б. м., 1883.
5. Что такое хунгузы? // Восточное обозрение. 1885. № 39.